Глава 2
Проблема политической этики в российской истории

1. Два типа социальной этики

Теперь перейдем к обстоятельствам, связанным с «нашей печальной и многотерпеливой историей» (Герцен). В свое время я потратил немало усилий, чтобы разобраться в глубинных причинах несчастливой политической судьбы России, не только не создававшей предпосылок для такого ее развития, которое бы соответствовало ее гигантскому природному, экономическому и человеческому потенциалу, но и порождавшей с достойной лучшего применения периодичностью тяжелейшие по последствиям социально-политические конфликты, которые сопровождались колоссальными человеческими жертвами. В теоретическом плане я исходил из существования и развития в истории человечества различных «этических генотипов», существенно повлиявших на характер жизни и историческую судьбу разных народов, и обозначил их как «идеальные типы». В итоге удалось сформулировать на уровне этико-психологических архетипов коллективного сознания основные характеристики двух альтернативных типов — *системоцентризма* и *персоноцентризма,* а также проследить историческую динамику их конфликтного развития в нашей истории. Отчасти я затрагивал и перипетии истории других цивилизаций, но главным, конечно, была история коллективного сознания России, особенно в ее критические, переломные моменты

Итак, при всем многообразии конкретных культурно-исторических форм, можно, тем не менее, рассматривать системоцентризм и персоноцентризм как две противоположные традиции, два взаимоисключающих взгляда на мир и человека. Печать этих традиций лежит практически на всех областях общественной жизни. Фундаментальное различие между ними — полярная противоположность их ценностных шкал.

В персоноцентристской шкале индивидуум является высшей точкой отсчета, «мерой всех вещей», говоря словами Протагора. Все явления природного и социального мира (не говоря уж о мире духовном, внутреннем) рассматриваются сквозь призму человеческой личности.

В шкале системоцентристской индивид, напротив, либо вообще отсутствует, либо рассматривается как нечто вспомогательное, как орудие для достижения каких-либо надличностных, «системных», целей. Конкретный вид системы может быть разным — племя, община, империя, партия, государство... Но главное, что объединяет всю эту палитру, это — отсутствие представления о самоценности человеческой индивидуальности, о том, что смысл человеческой жизни и деятельности отнюдь не сводится к вкладу в поддержание и развитие какой-либо «системы». Индивид в этих построениях всегда есть лишь средство и никогда — цель.

Персоноцентристской традиции соответствует тип мышления, в котором определяющими являются, напротив, личностная ориентация, признание неповторимости духовной сущности и самоценности каждого человека. Значение личности отнюдь не сводится к ее месту, функции в социальных, природных или политических системах.

Первые заметные вспышки персоноцентристского мышления мы видим в античном мире. Я далек от романтической идеализации древнегреческих образцов. И все-таки, даже храня в исторической памяти горечь от знания всех трагедий последующих веков, нельзя, по-моему, оставаться равнодушным к юношески максималистскому

пафосу античной личности. Сквозь тени ста поколений доносится до нас сигнал, идущий от самосознания впервые ощутившего собственное достоинство и собственную ценность Человека.

Следующий мощнейший импульс его развитию дало раннее христианство. И если бы христианской морали удалось стать реальным кодексом общественной жизни, вся траектория судьбы человечества, наверное, выглядела бы совсем иначе. Однако историческое христианство и внутри церковных институтов, и тем более в его преломлении общественным сознанием было, увы, чаще всего слишком далеко от подлинных христианских идеалов. Официальная церковная идеология, переместив акцент с глубинной сути учения на внешнюю, ритуальную сторону отправления религии, стала вполне функциональной частью общества, которое в своей основе оставалось системоцентричным. И все же огонек персоноцентризма, то чуть заметный, то более яркий, уже не угасал с самого начала христианской эры, причем порой он парадоксальным образом обнаруживал себя даже в явлениях, на первый взгляд целиком ему враждебных. Вспомним хотя бы античеловечную деятельность инквизиции, задачей которой было подчинение индивидуальной совести предписаниям доктрины, а в случае неповиновения — физическое уничтожение человека. Парадокс состоит в том, что, вкладывая столько энергии и подлой изощренности в борьбу за каждую человеческую душу, инквизиторы тем самым подтверждали значимость этой души, ее уникальность, неповторимость. Эту особенность духа религиозных преследований очень точно обозначил Н.А. Бердяев в своем сравнении разных видов тирании: «Старая тирания с кострами инквизиции больше оставляла простора для человеческой индивидуальности, более считалась с ней. Самая страшная нетерпимость может быть все-таки выражением уважения к человеческой индивидуальности, к духовной жизни человека. Когда церковь отлучает и анафемствует еретика, она признает бесконечную цен-

ность души человеческой и внимательна к ее неповторимой индивидуальной судьбе... Не так страшно, когда личность притесняют, ограничивают, даже мучают, но в принципе признают личностью, чем когда в самом принципе ее отрицают и заменяют безличными началами»[20].

Новая история персоноцентристского типа мышления была подготовлена идейным освоением античного морального наследия в период Ренессанса, но по-настоящему началась с Реформацией, обеспечив все более нараставший темп развития во многих областях общественной жизни. Обозначим этот тип мышления как *деятель-ностно-индивидуалистический.*

Теперь несколько слов о системоцентристском генотипе. Его мировоззренческой основой является традиционалистская ориентация на *стабильность* отношений внутри системы как на высшую ценность. (Слово «система» используется здесь не в политическом, а в более широком смысле.) Ориентация на воспроизводство одних и тех же условий определяет неразвитость и неприятие индивидуалистского сознания, тенденцию к доходящему до полного самоотречения отождествлению своих интересов с интересами социального целого — рода, племени, общины, государства. Внутреннее жизненное равновесие для члена такого коллектива достижимо лишь через полную гармонию с системой, которая, в свою очередь, сохраняет устойчивость лишь благодаря соответствующему поведению своих членов.

Любопытно, что господство в обществе подобного мировоззрения отнюдь не гарантирует от мятежей и прочих социальных катаклизмов. История знает множество кровавых бунтов в традиционных обществах. Но все такие движения направлялись не против системы как таковой, а против отдельных лиц и группировок, злоупотреблявших, по мнению массы, своим привилегированным

---

[20] *Бердяев Н.А.* Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии. Париж, 1970. С. 143—144.

в ней положением и тем самым угрожавших ее стабильности. Не случайно народные восстания в традиционных обществах, как правило, проходили под флагом веры в «доброго царя», и когда оседала пыль восстания, основные бастионы системы оказывались не только неповрежденными, но и порой еще более прочными. Одна из бед России как раз и состоит в том, что смена в ней политических систем никогда не приводила к принципиальным изменениям системы в смысле типа социальных отношений между людьми.

На первый взгляд напрашивается соединение предлагаемой модели с классической оппозицией «Запад — Восток». В самом деле, казалось бы, очень соблазнительно и просто отождествить системоцентризм с Востоком, а персоноцентризм — с Западом. Однако, во-первых, понятия «Запад» и «Восток» слишком размыты и неопределенны. (Ведь и христианство зародилось на Востоке. Эту двойственность Востока очень точно передает вопрос В. Соловьева: «Каким ты хочешь быть Востоком — Востоком Ксеркса иль Христа?».) Во-вторых, они сами по себе отражают лишь внешние атрибуты проблемы, тогда как предлагаемая схема, надеюсь, больше раскрывает существо дела. Наконец, в-третьих, такое разделение было бы не совсем точным, поскольку далеко не весь географический Запад и даже не вся Европа персоноцентричны даже сейчас, не говоря уже о временах более далеких. Но в целом, конечно, персоноцентризм больше тяготеет к Западу, а системоцентризм — к Востоку,

В чем же состоит основное различие двух «этических генотипов»? Думается, оно заключается в противоположности подходов к разрешению моральных конфликтов, возникающих между личностью и социальной общностью. Системоцентристская традиция предполагает заведомый приоритет интересов целого, т.е. общества или/и разного уровня коллективов (и соответственно имеющих возможность выступать от их имени лиц), тогда как персоноцентризм исходит из высшей ценности законного интереса от-

дельного человека, из главенства интересов и прав отдельной личности.

По сути, это два полярных видения мира, два параллельных пути развития цивилизации. Хотя чисто логически второй не есть продолжение первого, но исторически системоцентристский путь был первым, и лишь много позднее от него как бы отпочковался персоноцентризм. С моей точки зрения, это две принципиально разные дороги, и общества пребывают в динамике, двигаясь по ним. В разных обществах они то расходятся, то сближаются, а иногда и пересекаются. Возникают как бы исторические *перекрестки.* И общество, оказавшись в этой точке бифуркации, может попытаться избрать новый путь, что зависит от его готовности к этому, а порой и от ряда ситуативных, случайных факторов.

В рамках этой дихотомии трагедия России состоит в том, что она по разным причинам так и не смогла изменить трассу своего исторического развития, хотя в истории у нее несколько раз возникали для этого шансы. Но о России чуть ниже.

Естественно, что взаимоотношения между двумя противоположными этическими генотипами, как правило, носили конфликтный характер. При этом каждая из систем воспринимала существование другой как серьезную для себя угрозу. Поэтому и войны между представителями двух систем всегда несли на себе печать особого ожесточения, а идеологическая борьба не затихала даже в сравнительно мирные периоды. Торговые же и культурные контакты имели целью не взаимное обогащение через равноправное сотрудничество, а получение односторонних выгод опять-таки с намерением ослабить партнера и благодаря этому увеличить свое давление и влияние на него. Подобный характер взаимоотношений оставался практически неизменным на протяжении всей истории. Модифицировались формы отношений, менялись тактика, идеологическая символика, но суть — никогда. Последние годы дали страшные подтверждения того, что такое положе-

ние сохранилось и в начале нового тысячелетия, вопреки робким попыткам человечества осознать себя целым, сделать шаг к реальному, а не виртуальному созданию единой мировой цивилизации.

Но не станем затрагивать сейчас сложнейшую многофакторную проблему динамики глобального развития. Ограничимся предположением, что, возможно, кризисы XX в. и парадоксальным образом конфронтационные события последних 15—20 лет подвели нас к порогу нового этического типа сознания. Если вопреки всем ужасам последних лет сохранять осторожный исторический оптимизм, то можно предположить, что в результате этот новый этический тип сложится как более или менее сбалансированное, органичное соединение этики системоцентризма и этики персоноцентризма, принципов общинной и буржуазно-индивидуалистической морали. Назовем эту этику *индивидуально-коллективистской, или гражданско-коллективистской.* В идеале она представляет собой сочетание лучших черт первых двух типов и (по крайней мере теоретически) способна обеспечить гармоничное сочетание интересов личности с интересами общества. Особенно продуктивной в этом отношении представляются идеи, связанные с добровольным коллективизмом малых общностей («малые отряды», по Ч. Колсону), что на политическом языке означает самоуправление ячеек гражданского общества.

Однако век назад в России в силу ряда обстоятельств, о которых будет сказано ниже, история, увы, пошла другим путем. Экстремистски настроенные идеологи уничтожили поросль персоноцентризма и сделали ставку на «большой скачок», вознамерившись шагнуть прямо от традиционалистского системоцентризма (индивидуализм к тому времени лишь начал развиваться в стране и далеко еще не овладел массовым сознанием) к некоему «высшему» коллективизму. Такое игнорирование эволюционных закономерностей исторического процесса могло привес-

ти только к краху. И он произошел. Вместо идеала «нового человека» был получен чудовищный кентавр с некоторыми формами второго этического генотипа, с претензиями третьего, но с сущностью первого.

О том, что подталкивание страны на этот путь гибельно, предупреждали такие мощнейшие умы тогдашней России, как веховцы и СЮ. Витте. В форме апокалиптических провидений «царства грядущего хама» предостережения звучали из уст многих представителей художественной интеллигенции (начиная с Достоевского), обретая характер фатального предчувствия надвигающейся катастрофы в последнее десятилетие перед революцией. Но история пошла по пути, который радикалы вымостили миллионами человеческих жизней, причем в основном жизней тех, кто в большей или меньшей степени уже приобрел к тому времени основы персоноцентристского сознания и отношения к миру и людям. В результате возникло общество, устроенное на началах псевдоколлективизма, на поверку оказавшегося лишь всеобщим коллективным рабством. В клетке этой «механической солидарности» (выражение французского социолога начала XX в. Э. Дюркгейма) индивид — лишь принадлежащая обществу вещь.

В конкретном этическом плане выросший на системоцентристской почве социализм опирался на такую крайнюю форму морального релятивизма (задрапированную, однако, в ригористические одежды), как революционная мораль. Ее постулаты продиктованы убежденностью в том, что один общественный класс, одна партия, наконец, одна группа лиц внутри партии могут наилучшим образом выразить и провести в жизнь требования общего социального прогресса. Таким образом, была узурпирована «монополия на прогрессивность». «Мы лучше всех знаем, в чем состоит общее благо, и вы получите это благо любой ценой!» — вот ее суть. А за этим звеном уже закономерно тянется вся последующая цепочка, о которой сегодня не знает, пожалуй, лишь не желающий знать.

2. Борьба двух начал в российской истории[21]

Россия была и, похоже, остается ареной этой борьбы на протяжении уже нескольких веков. Соотношение сил, особенно в XVII—XVIII столетиях, явно оказывалось не в пользу персоноцентризма. Но сам факт противостояния двух типов культуры, проявлявшийся и на политическом уровне, в борьбе за права разных социальных групп и вообще за вектор развития страны, по-моему, очевиден для любого аналитика с непредвзятым отношением к нашей истории, т.е. за исключением, с одной стороны, ее разного толка идеализаторов, а с другой — тех, кто видит в ней лишь беспросветный гнет тирании сверху и рабство снизу. Да, Россия, в отличие от многих западных стран, не использовала своих шансов поменять направление своего движения в историческом времени-пространстве с системоцентристской на персоноцентристскую траекторию (я надеялся, что это произойдет на моем веку, т.е. на том историческом перекрестке, через который страна проходит на протяжении двух последних десятилетий, однако за последние годы мой оптимизм в этом отношении если и не подорван, то в значительной мере уступил место опасениям). Но при этом огонек контркультуры в ней никогда не угасал. Порой его было почти не видно под пеплом державного системоцентризма, но временами он вспыхивал достаточно ярко. Ведь не один и не два, а несколько раз в стране предпринимались весьма серьезные попытки исторических перемен.

---

[21] Подробнее см. специальные монографии по этой теме: *Оболонский А.В.* Человек и власть: перекрестки российской истории. М., 2002; *его же.* Драма российской политической истории: система против личности. М., 1994; а также статью, посвященную проблеме нереализованных исторических шансов: *Оболонский А.В.* Исторические перекрестки как объект альтернативной истории // Одиссей. 2000. С. 27-36.

Первыми такими историческими перекрестками, где наше тогдашнее общество оказалось не готовым сменить «колею» и потому не сумело использовать шанс для перехода на персоноцентристский путь развития, представляются мне Смутное время, затем годы петровской «перестройки», а по сути, национальной трагедии псевдореформации, которая подмяла под себя и повернула в прежнем системоцентристском направлении уже вызревавшую к тому времени потребность в подлинных, глубинных изменениях на уровне архетипа, отчасти — «заговор верховников» 1730 г. и, конечно, «стартовое» десятилетие царствования Екатерины II.

Две следующие попытки, имевшие, в отличие от предыдущих, реальные шансы на успех и потому столь трагичные, пришлись на XIX в. Их политическими кульминациями стали морозный декабрьский день 1825 г. и сырой петербургский день 1 марта 1881 г. Обычно такие кульминации происходят в истории уже тогда, когда реальный критический пункт перекрестка остался позади. Но поскольку вся эта тема — предмет отдельного подробного разговора, ограничусь лишь самым необходимым для понимания общей концепции и, следовательно, для нашей темы.

По-видимому, первые десятилетия XIX в. — тот момент истории, когда персоноцентризм стал представлять в России более или менее заметную социальную величину. Именно тогда он заявил о себе как о реальной альтернативе извечному российскому системоцентристскому «лю-додерству». Принципиальное отличие ситуации, сложившейся в то время, от персоноцентристских вспышек двух предыдущих столетий состоит в том, что персоноцентризм впервые заявил о себе как о силе, которую не так-то просто бесследно уничтожить (а такая попытка была предпринята в царствование Николая I), силе, обладающей определенной социальной базой (тогда — в лице образованной и обретшей чувство социальной ответственности и достоинства лучшей части дворянства) и достаточно

развитым самосознанием. В стране появилась, используя выражение Дидро, «новая порода людей», и весь XIX в. прошел под знаком ее укрепления и развития.

Разумеется, мы говорим сейчас лишь об одном из векторов исторического процесса. В реальности все было гораздо сложней. В частности, параллельно развивалась романтичная, теплая, но консервативная с точки зрения политических прав и вообще подозрительно относившаяся к идее развития славянофильская идеология. Ее выразители считали концепцию политических прав личности непригодной для российской «ментальности», поскольку в России вместо борьбы политических партий, вместо парламентаризма и конституционных ограничений власти якобы господствует «соборное единение» всего народа перед лицом абсолютной монархии; полагали, что русские якобы — народ «неполитический» и потому нам-де, в отличие от «загнивающего» Запада, не нужны никакие политические права. (С каким, однако, заслуживающим лучшего применения упорством, наши идеологи различных политических мастей, но одной «грунтовой» окраски уже которое столетие хоронят «загнивающий» Запад!)

Но, так или иначе, к началу XX в. персоноцентризм стал в русском обществе настолько значительной силой, что даже без политических подталкиваний начала крениться и давать трещины пирамида извечного российского системоцентризма. Впервые его монопольный контроль над общественным сознанием оказался под реальной угрозой, и возможность построения жизни на иных началах, нежели системоцентристское «людодерство», стала более чем реальной. Еще несколько десятилетий спокойного развития — и уже ничто не в силах было бы помешать переходу России на персоноцентристские рельсы. Однако здесь сыграло роковую роль то обстоятельство, что, в отличие от западных стран, персоноцентризм в России развивался не «вширь», а «вглубь», т.е. в основном в пределах одного социального слоя — интеллигенции. При этом даже в этих рамках он охватывал лишь

одну часть, обычно именуемую в политическом словаре «либеральной интеллигенцией». Другая же часть интеллигентов — «политические радикалы» — по глубинной сути своей оставались теми же системоцентристами, лишь нового образца. Они мыслили и действовали (к несчастью для общества — очень активно и успешно) в рамках все той же антиличностной шкалы ценностей, только перевернутой вверх дном по принципу «кто был ничем — тот станет всем». Такая социальная сверхконцентрация персоноцентризма породила уникальное в мировой истории явление — российскую гуманистическую интеллигенцию, но в политическом плане она привела к национальной трагедии. Узость социального основания персоноцентризма предопределила его поражение. Несмотря па то что к началу Первой мировой войны на персоно-центристскую «колею» постепенно перебралась лучшая часть российского общества, времени не хватило. Фанатичный и изощренный активизм радикалов оказался сильнее. Деструктивные процессы, как правило, развиваются быстрее конструктивных. Динамика этих параллельных процессов прослеживается на протяжении жизни двух поколений — от 70-х гг. XIX до 20-х гг. XX в. И в этом смысле революция и все последующие перипетии российской истории были не кульминацией, а почти неизбежным следствием трагедии.

Российский системоцентризм снова проявил свою феноменальную живучесть и изворотливость. Оказавшись в опасности, он произвел отчаянный радикальный маневр и ценой «переодевания», ценой полной внешней трансформации еще раз уничтожил свою историческую альтернативу, вновь сохранив себя и свое господствующее положение. Для этого ему пришлось пожертвовать многими традиционными символами и атрибутами и даже принести на алтарь исторической борьбы интересы привилегированной части общества. Пирамида была как бы опрокинута набок, и темная стихия глубинного национального системоцентризма захлестнула как родственную

ей системоцентристскую структуру самодержавной власти, так и, увы, сконцентрированных лишь в одном блоке, одном общественном слое носителей персоноцентристского генотипа.

Когда же рассеялся дым Октябрьской революции (введший в заблуждение многих даже весьма проницательных наблюдателей, не говоря уже об участниках событий), оказалось, что системоцентризм, сменив идеологические и политические вывески и кардинальным образом разделавшись с персоноцентристской оппозицией, еще увереннее и тверже, чем раньше, господствует на продолжающей расширяться территории Российской империи.

Итак, победила задрапированная в радикальные одежды антиреформаторская линия. *В социально-этическом плане* произошел ренессанс системоцентризма, т.е. его возрождение и укрепление на новой, более динамичной и прочной основе. *В плане социально-психологическом* за счет разрушения некоторых вторичных, производных стереотипов национального сознания и их замены другими, по форме более модернистскими, но по своей глубинной сути работающими на те же базовые ценности, также произошло укрепление традиционного психологического генотипа.

В идеологическом плане место государственного православия заняла новая официальная религия, фразеологически совершенно иная, но по способам воздействия на умы «паствы», по формируемому ею социальному типу личности подобная прежней и потому успешно эксплуатирующая самые архаичные стереотипы сознания.

В плане политического режима изменения коснулись скорее внешних атрибутов и отчасти форм осуществления власти, а также состава обладающих ею групп, чем политических целей и средств их достижения. Особенно очевидна преемственность в области, практически целиком выводимой из социально-этических и социально-психологических факторов, — в области духа политической жизни, который более конкретно раскрывается через категории политического сознания и политической культуры общества.

Главные, «несущие» опоры системоцентристской политической системы не только успешно пережили «смутное время» революции, но в некотором смысле стали еще крепче. Словом, мы «проиграли» XX век и, как бы реанимировав наиболее косные черты национального сознания, в лучшем случае протоптались на месте, потеряв столь важное и, быть может, даже невосполнимое время для позитивного развития. Единственным, и весьма слабым, утешением может служить то, что мы показали миру пример ложного пути. Впрочем, особой благодарности за этот негативный урок «как не надо делать» ждать не приходится.

Однако этот глубинный смысл происшедшего поняли в то время очень немногие. Да что говорить о тех временах, если даже сейчас миф о советском обществе как «обществе нового типа» жив в сознании как его апологетов, так и его противников. И на политической поверхности явлений — но только на ней — так во многом и было.

Лишь в последнее десятилетие XX в., после поглотившего или изуродовавшего жизни нескольких поколений людей и занявшего три четверти столетия «штрафного круга» по системоцентристской колее, наше общество смогло вновь выйти на продуваемый всеми историческими и политическими ветрами перекресток своей судьбы. На нем должно решиться: пойдем ли мы дальше по накатанному авторитарному системоцентристскому пути, где человеческой личности при всех политических формах и режимах правления отводится лишь роль пресловутого «винтика», или же мы наконец перейдем на трассу устойчивого демократического, персоноцентристского развития, где жесткие ухабы в начале пути формируют у людей чувства социальной ответственности, независимости, личного достоинства. Полтора десятилетия весы колебались и все еще колеблются до сих пор. Романтический оптимизм позднеперестроечных — первых постперестроечных лет, который сосуществовал с циничным прагматизмом приобретателей «плохо лежавшей» не-

давней госсобственности и другими, по меньшей мере неоднозначными событиями, постепенно уступил место иным чувствам, а в последние годы — и оправданному беспокойству в связи с уже очевидной опасностью опять вернуться в прежнюю колею, хоть и во внешне модернизированном ее варианте. Процесс этого возврата уже происходит и набирает силу, хотя окончательные выводы, может быть, делать рано. К тому же решающим фактором, как всегда бывает на перекрестках, должна стать не позиция и желания так называемой политической и прочей «элиты», а воля и поведение обычных людей, рядовых граждан страны, выработавших в себе личностное сознание и достоинство. История вновь предоставила нам шанс повлиять на будущее своей страны и, кто знает, возможно, и на судьбы других стран. Мы уже много раз упускали свой шанс. А ведь нынешний может оказаться и последним.

3. Судьба интеллигенции

Трагическая специфика нашей истории XX в. и контекст работы требуют хотя бы в нескольких словах очертить социальную судьбу российской интеллигенции в этот страшный период. Октябрь 1917 г. знаменовал начало ее заката на небосклоне социальной жизни России. При этом солнце, как в тропиках, падало за горизонт все быстрее и быстрее. В исторически ничтожное время — за полтора-два десятилетия — интеллигенция почти начисто утратила ту роль, которую прочно сохраняла даже в самые тяжелые периоды романовской реакции, — роль общественной совести и стимулятора общественного самосознания. Под новым режимом интеллигенция как социальная сила, по существу, погибла. Конечно, это не следует понимать в буквальном смысле, как ее поголовное физическое истребление или принуждение оставить родину, хотя и то и другое, особенно метод облекаемой в юридические формы физической расправы, очень широко использовалось

в ходе войны, которую режим объявил интеллигенции. Конечно, физически многие интеллигенты уцелели, а определенная их часть даже сохранила некий пристойный уровень благополучия, некоторые имели возможность воспитывать учеников, заниматься профессиональной деятельностью и т.п. Однако на всех без исключения давили три репрессивных механизма: подозрительное, неприязненно-недоверчивое отношение как властей, так и народной массы (присущее прежним временам почтение к образованному человеку было разрушено интенсивнейшей «антибарской» пропагандой); полное отсутствие того, что для каждого интеллигента является главным компонентом духовной жизни, — возможности свободного выражения и обсуждения мыслей; наконец, утрата хотя бы относительной материальной независимости, унизительная, угнетающая дух экономическая подчиненность монополизированным властью источникам существования, ибо власть, в сущности, держала под жестким контролем все каналы доходов своих подданных.

В целом интеллигентам была предписана, причем с гораздо большей жесткостью, нежели когда-либо ранее, роль ученых приказчиков власти, которым не доверяют, но которых по необходимости терпят. Никаких других ролей за интеллигенцией не признавалось.

Естественно, что в подобных условиях она очень быстро утратила свои былые позиции. Другие звезды взошли на нашем общественном небосклоне. Правда, порой им присваивали чужие, интеллигентские имена, но суть от этого не менялась. *У остатков* же *интеллигенции* в прежнем (и единственно адекватном) смысле слова в лучшем случае *хватало сил и возможностей на две задачи: в сфере социальной рефлексии — на то, чтобы сберечь немногочисленные слабо мерцающие огоньки культуры и передать их следующим, может быть, более удачливым поколениям; в сфере социального действия — лишь на тот минимум деятельности, который предохраняет общество от необратимого нравственного одичания и умственного вырождения.*

И эти две скромные, но такие важные задачи как будто удалось выполнить, хотя потери, понесенные интеллигенцией, были чудовищными, невосполнимыми. И цена их измеряется не только персональными утратами, как бы они ни были велики. Есть по крайней мере еще два существенных элемента послереволюционной трагедии русской интеллигенции.

Прежде всего, произошел если не полный обрыв преемственности, то, во всяком случае, ее значительное ослабление. Никто не считал, сколько семейных цепочек интеллигентских традиций, передававших из поколения в поколение интеллигентский дух и соответствующее ему отношение к жизни, оборвалось в послереволюционное время. Преследуемая, гонимая, подавляемая морально и физически, интеллигенция в те годы стихийно, а иногда и сознательно перестала воспроизводить себя в своих потомках. В результате дети потомственных интеллигентов не становились их духовными наследниками. Накопленный поколениями духовный и нравственный капитал в буквальном смысле зарывался в землю вместе с его последними носителями. А для интеллигенции преемственность духа важна чрезвычайно. Разумеется, я далек от того, чтобы безоговорочно распространять на интеллигенцию классическую английскую формулу о трех предшествующих поколениях джентльменов как необходимом атрибуте облика подлинного джентльмена, но все же она не лишена определенного смысла. Известно, что в большинстве своем интеллигенты первого и даже второго поколений, вполне органично впитав в себя целый ряд важных компонентов интеллигентского образа, не усваивают такие существеннейшие его черты, как установка на бескорыстное служение общественному благу, как критическая неудовлетворенность существующим положением дел в различных областях общественной жизни, готовность на определенные жертвы во имя общих интересов и принципов, т.е. готовность «пострадать за правду». Однако будем объективны: перечисленными чертами обладают да-

леко не все даже из потомственных интеллигентов. Впрочем, на наш взгляд, утратив их, эти люди, несмотря ни на какую, пусть самую блистательную, формально интеллигентскую родословную, перестают быть интеллигентами в подлинном смысле слова и превращаются просто в джентльменов. Таким образом, принадлежность к интеллигенции не передается по наследству автоматически: ее трудно приобрести, особенно за одно поколение, но легко потерять даже за меньшее время.

Но даже если отвлечься от обстоятельств, связанных с преемственностью, остается очевидным, что при переходе от русской интеллигенции к советской произошел заметный регресс, понижение ее нравственного уровня. На смену подлинным людям духа в советские времена пришли прагматичные, а то и просто циничные дельцы. Однако тяжелее всего от сознания, что этот регресс интеллигенции был лишь одним из компонентов всеобщего нравственного регресса, происшедшего в нашей стране после революции. Равно и поражение интеллигенции в конфликте с режимом стало трагедией не только для нее самой, но и для всей нации.

И приходится признать что долговременная, целенаправленная, часто самоотверженная деятельность одной из двух основных групп интеллигенции — радикалов — лежала в основе катастрофы 1917 г., катастрофы, пламя которой отнюдь не обошло стороной саму интеллигенцию и принесло ей неисчислимые беды.

Тем не менее было бы искажением исторической правды отрицать значение интеллигенции как силы, влиявшей на формирование общественного сознания, в советские времена. Более того, она сыграла немалую роль в расшатывании, а затем свержении с пьедестала социалистического государственного монстра — роль, которая сейчас многими недооценивается. Однако на выполнение конструктивных задач по формированию нового общества ее потенциала не хватило. Вскоре после 1991 г. интеллигенты были отодвинуты в сторону, и последующие события развивались по сценарию, который писали

уже другие силы и со многими положениями которого интеллигенция вряд ли могла согласиться. Да ее, впрочем, и спрашивали все меньше. Пришли иные времена, и на авансцену выдвинулись иные персонажи. И эти «новые люди», овладевшие ситуацией уже в первой половине 1990-х гг., оказались персонажами совсем иного склада — прагматичными дельцами с сугубо материалистической ориентацией, причем в большинстве своем в достаточно циничной, неприглядной ее форме.

4. Ущербность экономического детерминизма и его последствия

Парадоксально, но наша страна, казалось бы, до дна испившая горькую чашу экономической одномерности, не избавилась от нее и в постсоветские времена. Либералы, оказавшиеся у «руля» государства на какое-то время после краха СССР, как правило, были экономистами — честными, высококвалифицированными, в начале 1990-х гг., в сущности, спасшими страну от катастрофы. Но их профессиональное восприятие мира, увы, страдало одномерностью. И хотя порой они выходили за рамки экономических схем (например, заговаривали о свободе слова, о правах человека), делали они это как-то вяло и неубедительно. Чувствовалось, что свобода духа, в отличие от свободы экономической, — не их сфера, что в глубине души они вряд ли до конца верят, что не хлебом единым жив человек. Боже упаси упрекать их в этом. Просто не были они гуманитариями по своему профессиональному опыту и взгляду на мир, а все связанное с духовными, нравственными проблемами полагали производным от товарно-денежных, в данном случае — финансово-рыночных отношений. Присутствие таких людей в политике и правительстве необходимо. Но не меньше нужны и другие — люди, с более широкой социальной, философской, правовой рефлексией. Почему же их не оказалось «в нужное время в нужном месте»?

Почему, например, поле для риторики и спекуляций на духовных факторах в 1990-е гг. было безраздельно отдано так называемым левым? Почему коммунистам, лишь сменившим риторику «народовластия» на державно-православные знамена, но отнюдь не чувствующим себя обремененными страшным грузом исторической ответственности, лежащей на их партии, за истребление десятков миллионов граждан своей страны, и нашим «почвенным» нацистам, грозящимся продолжить эту «работу», была отдана монополия на право величать себя «патриотами»? Кстати, первым понял эту слабину ограниченной экономической версии либерализма В. Жириновский, когда еще на выборах в Думу 1993 г., в противовес «скучным» либеральным рассуждениям о налогах, инвестициях, процентах и прочих «низменных» материях, мастерски разыграл карту «потребности человека в мечте» в ее российских вариантах «золотой рыбки» или Емели-дурака, добавил к этому толику обещаний удовлетворить бессмысленную тоску по утраченной державности и — выиграл.

В явном перекосе нашего либерализма в сторону экономизма, видимо, сыграли роль и неизжитость марксистского экономического сознания, и действительно «аховая» экономическая ситуация того времени, и задача перераспределения беспрецедентного по масштабам массива собственности, и личные моменты. Но пришло 17 августа 1998 г., и оказалось, что в обстоятельствах экономического кризиса нашим либералам-экономистам, по большому счету, нечего сказать людям. Рациональный homo econo-micus — неадекватная модель человека, в том числе (а может быть, и в особенности) человека российского.

Лично я никогда не верил, что тайники человеческой души можно открыть при помощи связки одних экономических ключей. И судьба России не меньше, чем от экономических параметров, зависит от факторов внеэкономических, прежде всего моральных и правовых. Десятилетиями усугублявшаяся и даже сознательно провоцировавшаяся моральная деградация общества, ущербность господствовавшей в нем системы моральных норм, из-

вращенное и недоразвитое правовое сознание привели нас в состояние, когда даже самые радикальные и вроде бы рациональные экономические шаги без восстановления нормальной трудовой морали, без повышения уважения к закону не приводят к положительным результатам, а порождают самые неожиданные с чисто экономической точки зрения эффекты. Нам равно необходимы и возрождение «честного купецкого слова», и вытеснение из сознания закрепленного в пословице и, увы, до сих пор отражающего правду жизни стереотипа «от трудов праведных не наживешь палат каменных», и подкрепленная массовыми примерами вера в правосудие, и осознание того, что материальные блага — лишь часть того, что нужно человеку для счастья, и полноценное понимание духовной природы человека, и вера в Бога.

Без морального оздоровления общества в России, даже в условиях относительно благополучного экономического сценария, неизбежно продолжение безжалостной и изощренной «войны» без правил. Это война за привлекательные, но отнюдь не главные с точки зрения духовных ценностей призы в виде передела материальной собственности и возможности властвовать над себе подобными, война, свидетелями которой мы были в девяностые годы, и которая отнюдь не утихает в годы двухтысячные. Разумеется, было бы нелепо призывать к игнорированию экономических факторов. Но столь же односторонней представляется и их абсолютизация как якобы основы всех основ. Боюсь, что экономический детерминизм, забвение многомерности жизни — серьезный дефект нашей версии либерализма, противовесом которому является многоосевая модель общества.

5. Духовные факторы — основа полноценной жизни людей и демократии

Еще Сократ в роли персонажа платоновской «Республики» говорил, что очень важную часть человека со-

ставляет его духовное начало — thymos. Именно оно подвигает человека совершать поступки, не находящие удовлетворительного объяснения в рамках материалистических, в том числе экономистских, представлений, а в предельных случаях — и жертвовать жизнью во имя отнюдь не материальных ценностей. Эта мысль находила то или иное преломление и в философских системах Гоббса, Канта, Гегеля, Локка, Спинозы и многих других великих философов.

Кроме того, одна из аксиом демократии гласит, что *в демократических обществах от гражданских и моральных качеств людей зависит больше, чем от правителей и политических институтов.* Например, американцы, у которых уж демократии-то стоит поучиться, так видят «четыре опоры плюрализма»: «свобода слова, добродетель, капитализм и ограниченное правление (что подразумевает ограниченную в своих полномочиях власть. — *А.О.).* Мы, американцы, не любим чрезмерной концентрации власти»[22]. Впрочем, последняя мысль имеет и европейские корни. Уже в начале XIX в. Вильгельм фон Гумбольдт писал, что ограничение объема деятельности государства — необходимое условие для сохранения в нем здорового морального духа, а слишком пространная забота государства о гражданах наносит большой вред «энергии деятельности и моральному характеру людей»[23]. Думается, для нас моральное возрождение общества после серьезнейших долговременных моральных деформаций — не только необходимый, но, может быть, даже ключевой фактор. Процесс этот не обещает быть легким и быстрым.

Еще в 1923 г. П.И. Новгородцев предвидел гигантскую сложность задачи нравственного возрождения нации после краха большевистского режима: «Русскому че-

---

[22] Это цитата из журнала, издаваемого в одном из классических оплотов «ортодоксального» либерализма в штате Мичиган: Imprimis. 2001.Dec.Vol. 30. No. 12. P. 2.
[23] *Гумбольдт В. фон.* Язык и философия культуры. М., 1985. С. 37.

ловеку в грядущие годы потребуются героические подвижнические усилия для того, чтобы жить и действовать в разрушенной и откинутой на несколько веков назад стране. Ему придется жить не только среди величайших моральных опустошений своей родины, но и среди ужасного развала всех ее культурных, общественных и бытовых основ... Среди этого всеобщего разрушения лишь с великим трудом будут пробиваться всходы новой жизни... Сколько новых темных чувств незаглохнувшей стихии опять появится! Сколько натворит новых бед суровая страсть порядка и покоя! Сколько тяжелых этапов пройдет и могучая потребность хозяйственного восстановления с ее неукротимыми инстинктами приобретения и накопления»[24]. За 80 с лишним лет, минувших с тех пор, как были написаны эти строки, ситуация лишь ухудшилась. Хотя сейчас многие процессы настолько ускорились, что века сжались до десятилетий, все же не надо слишком надеяться на «русское чудо» мгновенного превращения жабы в красавицу. Конечно, психологически очень понятно социальное нетерпение, желание сделать все и сразу — «здесь и теперь». Но мы уже до оскомины наелись сказок о светлом будущем. Что же делать, если сроки человеческой жизни не совпадают с историческими периодами? «Крот истории» роет медленно. А, как известно, времена не выбирают.

В свое время Франклин Рузвельт сказал: «Одному поколению многое дано, с другого многое спросится, а некоторые поколения встречаются с будущим». Мы встретились со своим будущим и, в отличие от тех, кто был до нас, держали и до сих пор, пусть в меньшей степени, держим его в собственных руках. В этом смысле нам очень повезло. И хотя последние годы показали, что мы опять не вполне готовы освободиться от системоцентристских кандалов, а многие прямо-таки проявляют готовность с чувством облегчения сунуть голову под новое ярмо, все же будущее еще не закрыто для разных сценариев разви-

[24] *Новгородцев П.И.* Об общественном идеале. М., 1991. С. 577.

тия. Так что жаловаться, в случае если мы опять изберем струю колею, будет не на кого.

Карл Поппер считал глубочайшей и еще далеко не завершенной революцией в истории переход от общества закрытого, где индивид растворен в коллективности, взамен получая иллюзию защищенности, к обществу открытому, где он свободен и должен сам принимать личные решения. Такой переход неизбежно сопряжен со страхом свободы, с желанием и попытками вновь захлопнуть уже отворенную дверь. И, как показывает история, процесс действительно можно задержать. Но это приносило людям лишь новые беды. Вернуться в мнимый «утраченный рай» тоталитаризма невозможно. «Для вкусивших от древа познания рай потерян. Чем старательнее мы пытаемся вернуться к героическому веку племенного духа, тем вернее мы в действительности придем к инквизиции, секретной полиции и романтизированному гангстеризму... нам следует найти опору в ясном понимании того простого выбора, перед которым мы стоим. Мы можем вернуться в животное состояние. Однако если мы хотим остаться людьми, то перед нами только один путь — путь и открытое общество. Мы должны продолжать двигаться в неизвестность, неопределенность и опасность, используя имеющийся у нас разум, чтобы планировать, насколько возможно, нашу безопасность и одновременно нашу свободу»[25].

Увы, это предостережение великого ученого сегодня звучит актуальней, чем когда-либо раньше с начала перестройки. Возрождающаяся под камуфляжем полудемократической фразеологии система имеет мало общего с персоноцентризмом. Явный и бесстыдный приоритет «системных интересов» над личностью гражданина не может быть сбалансирован никаким экономическим либерализмом, который, впрочем, как мы видим, тоже не может

---

[25] *Поппер К.* Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 1. С. 248.

быть устойчивым в условиях нынешней якобы «государственнической» модели. Этим, кстати, лишний раз доказывается ущербность тезиса о первичном значении экономики по отношению к духовным факторам бытия.

Вообще в России процесс «этизации политики» по меньшей мере серьезно запаздывает. Хуже того: последнее время наблюдается *ренессанс маккиавеллизма,* пусть во внешне замаскированных популистской риторикой и жестами, но по сути достаточно циничных и крайних формах. Один из наиболее одиозных примеров этого — спекулятивное использование государством собственной неспособности уберечь граждан от терроризма для лишения их под флагом «укрепления единства власти» существенной части демократических прав и свобод. Характер нашей работы не предполагает перечисления примеров, тем более что регулярно появляются все новые примеры и факты. Важнее отметить, что у нашего государства появляется все больше черт военно-бюрократической системы управления. А это всегда происходит за счет ущемления интересов и прав людей. По существу, мы имеем дело с попыткой по мере сил прикрыть довольно широко распахнутую еще недавно дверь открытого общества, т.е. происходит как раз тот процесс, против которого и предостерегал К. Поппер.

6. Свобода, дарованная «сверху», непрочна

История показывает, что каждый народ должен в той или иной форме «выстрадать» свою свободу. И если в Древнем и Средневековом мире еще можно найти примеры властителей, которые, утомившись от бремени власти, передают ее наследнику, а сами удаляются от политической суеты столиц (так, римский император Домитиан Август, покинул Рим и уехал в провинцию, где наслаждался выращиванием капусты), то добровольного отказа даже

от части властных прерогатив в пользу народа или хотя бы «баронов» (как произошло при Иоанне Безземельном в начале XIII в. в Англии) не бывало. Увы, это, как правило, было связано с большим или меньшим пролитием крови. Правда, условие это если, к сожалению, и необходимое, то тем не менее не достаточное. Крови наш народ пролил больше многих других, а устойчивой свободы так и не обрел.

Конечно, конституционный институт, регламентирующий условия и процедуру смены власти, чрезвычайно важен. Но не менее важно и другое: наличие устойчивых навыков самоуправления, сознание социальной и персональ-ной ответственности за решение вопросов обустройства своей жизни и, в частности, за выбор тех или иных должностных лиц, т.е. вручение им на определенных условиях мандата на решение общих дел. А без этого свобода может быть незаметно утрачена или даже добровольно передана какой-либо автократической модели власти в ее подновленной версии, что во многом сейчас и происходит.